

СТИВЕН
КИНГ

КОМАНДА СКЕЛЕТОВ

Издательство АСТ
Москва

Посвящается Артуру и Джойс Грин

*Я — просто пугало,
Пугало на лугу.
Скриплю по кругу.
Делаю, что могу*.*

* © Перевод. Н.И. Сидемон-Эристава, 2015.

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Подождите... всего лишь несколько минут. Я хочу поговорить с вами... а потом поцеловать. Подождите...

1

Вот еще рассказы, если вас это интересует. Написаны они за достаточно продолжительный период моей жизни. Самый старый, «Отражение», я написал в восемнадцать лет, в лето перед поступлением в колледж. Идея пришла ко мне, когда во дворе нашего дома в Уэст-Дархэме, штат Мэн, мы с братом играли в баскетбол. Когда я перечитал его, меня охватила ностальгия по тем временам. Самый последний, «Баллада о гибкой пуле», я закончил в ноябре 1983 года. Семнадцать лет, конечно, не такой уж большой срок, если принимать во внимание литературную карьеру таких писателей, как Грэм Грин, Сомерсет Моэм, Марк Твен и Эудора Уэлти, но все-таки вот Стивен Крейн писал меньше времени, а Г.Ф. Лавкрафт практически столько же.

Один мой приятель год или два назад спросил, почему я по-прежнему пишу рассказы. Романы, указал он, приносят мне вполне приличные деньги, тогда как рассказы — сущие крохи.

— С чего ты так решил? — спросил я.

Он постучал пальцем по последнему номеру «Плейбоя», который послужил причиной нашей дискуссии. В нем напечатали мой рассказ («Всемогущий текст-процессор», который вы найдете в этой книге), и я только что с законной гордостью сказал ему об этом.

— Сейчас я тебе это докажу, — гнул свое мой приятель, — если только ты скажешь мне, сколько тебе заплатили за этот рассказ.

— Скажу. Я получил две тысячи долларов. Не какие-то крохи, Уайатт.

(Его имя не Уайатт, просто я не хочу тыкать в него пальцем, вы понимаете.)

— Нет, двух тысяч ты не получал, — возразил он.

— Не получал? Ты заглядывал в мой банковский счет?

— Нет. Но я знаю, что ты получил тысячу восемьсот долларов, потому что десять процентов пошло твоему агенту.

— Чертовски верно, — кивнул я. — И он их заслуживает. Его стараниями я попал в «Плейбой». Я всегда хотел напечататься в «Плейбое». Так что невелика разница — две тысячи долларов или тысяча восемьсот.

— Нет, ты получил тысячу семьсот десять.

— Что?

— Разве ты не упоминал о том, что твой менеджер берет пять процентов?

— Хорошо, согласен, вычтем из тысячи восьмисот девяносто. Я по-прежнему думаю, что тысяча семьсот десять долларов не такая уж маленькая сумма...

— Не такая уж, — перебил меня этот садист. — Но в действительности она составляет восемьсот пятьдесят пять долларов.

— Что?

— Ты хочешь сказать, Стивчик, что не входишь в ту категорию граждан, доходы которых обязывают платить государству пятьдесят процентов своих доходов?

Я промолчал. Он знал, что вхожу.

— Так что всего-то ты получил за рассказ семьсот шестьдесят девять долларов и пятьдесят центов, не так ли?

Я с неохотой кивнул. Подоходный налог штата Мэн составлял десять процентов от федерального налога.

— И сколько времени ты писал рассказ? — напирал Уайатт.

— Примерно неделю. — Тут я солгал. На рассказ ушло две, да еще пришлось пару раз редактировать его, о чем я говорить Уайатту не собирался.

— Значит, за неделю ты заработал семьсот шестьдесят девять долларов и пятьдесят центов. А ты знаешь, сколько зарабатывает в неделю нью-йоркский сантехник, Стивчик?

— Нет. — Я ненавижу тех, кто называет меня Стивчиком. — И ты не знаешь.

— Отнюдь. Примерно семьсот шестьдесят девять долларов и пятьдесят центов, после вычета налогов. Как ты сам видишь, писать рассказы — чистая потеря времени. — Он расхохотался и спросил, нет ли в холодильнике еще пива. Я ответил, что нет.

Я намереваюсь послать Уайатту экземпляр этой книги с сопроводительной запиской следующего содержания:

Я не собираюсь говорить тебе, Уайатт, сколько мне заплатили за этот сборник рассказов, но одно все-таки скажу, Уайатт, — за рассказ «Всемогущий текст-процессор» я получил уже 2300 долларов, чистыми, не считая тех 769 долларов и 50 центов, над которыми ты так смеялся в моем доме у озера.

Подпишусь я *Стивчик* и добавлю:

PS: Пиво в холодильнике было, и я выпил его после твоего отъезда.

Пусть знает.

2

Да только дело не в деньгах. Признаю, я радовался, когда мне заплатили две тысячи долларов за «Всемогущий текст-процессор», но я точно так же радовался и сорока

долларам, полученным за «Отражение», когда его опубликовали в журнале «Статлинг мистери сториз», и такому гонорару, как дюжина экземпляров «Убриса», литературного журнала Университета штата Мэн (по доброте душевной я всегда полагал, что так кокни произносят слово *Hubris*), которые мне вручили после публикации в нем рассказа «Здесь тоже водятся тигры».

Я хочу сказать, радоваться деньгам — не грех, не будем в этом заблуждаться (по крайней мере пока еще не грех). Когда мои рассказы начали достаточно регулярно появляться в мужских журналах, таких как «Кавалер», «Пижон» и «Адам», мне было двадцать пять лет, а моей жене — двадцать три. У нас уже появился один ребенок, и мы ждали второго. Я работал по пятьдесят или шестьдесят часов в неделю в прачечной и получал один доллар и семьдесят пять центов в час. И с деньгами у нас было далеко не густо. Так что чеки за эти рассказы (всегда после публикации, а не решения на публикацию) всегда приходились кстати, позволяя или купить антибиотики ребенку, у которого продуло уши, или заплатить за телефон, который грозили отключить. Лишних денег не оставалось. Как говорит Лили Кавано в «Талисмане» (это фраза Питера Страуба, не моя): «Тебе никогда не быть слишком тощим и слишком богатым». И если вы в это не верите, значит, вы никогда не были очень толстым и очень бедным.

И в то же время рассказы не пишутся ради денег, или ты обезьяна. Когда пишешь рассказ, не думаешь о том, что надо нагнать достаточное количество слов, или ты обезьяна. В писательстве не думаешь о том, сколько ты заработаешь за час, за год, за жизнь, или ты обезьяна. Конечно, мы занимаемся этим не ради любви к искусству, хотя приятно так думать. Мы занимаемся этим, потому что не заниматься — равносильно самоубийству. И хотя работа эта тяжелая, у нее есть достоинства, которые я никогда бы не стал перечислять Уайатту: не тот он человек, чтобы понять.

Возьмем, к примеру, «Всемогущий текст-процессор». Не лучший рассказ из написанных мною, не из тех, что мо-

жет рассчитывать на получение литературной премии. Но не такой и плохой. Забавный. Я месяцем раньше приобрел свой первый текст-процессор (большой такой «Уэнг», и по прошу оставить при себе ваши, несомненно, остроумные комментарии) и все еще выяснял, что он может делать, а чего — нет. Особенно меня зачаровывали клавиши «Убрать» (Delete) и «Вставить» (Insert), позволяющие забыть о зачеркивании и вставках на полях.

В один из дней я сильно отравился. Что такого, это может случиться с каждым. Все, что не держалось во мне, выходило с обоих концов, по большей части со скоростью звука. К вечеру мне стало совсем плохо. Бил озноб, поднялась температура, суставы распухли. Желудок крутило, болела спина.

Эту ночь я провел в спальне для гостей (благо ее отделяли от туалета четыре ступеньки вниз). Спал с девяти вечера до двух ночи. Проснувшись, понял, что больше мне не уснуть. Встать я не мог, слишком ослабел. Вот я лежал и думал о моем текст-процессоре и клавишах «Вставить» и «Убрать». И мне в голову пришла мысль: «А ведь будет забавно, если кто-то печатает предложение, потом нажимает клавишу «Убрать», и то, о чем шла речь в предложении, исчезает из жизни?» С этой мысли начинались практически все мои рассказы: «А ведь будет забавно, если...» И хотя многие из них достаточно страшные, среди них нет ни одного, не вызвавшего у читателя в каком-то месте улыбки, как бы ужасно этот рассказ ни заканчивался.

Вот я и начал придумывать, что можно убрать с помощью клавиши на клавиатуре текст-процессора, и у меня в голове сложился рассказ. Я наблюдал, как какой-то тип (для меня это всегда мистер Икс, до той поры как я начинаю печатать рассказ и должен дать ему имя) убирает висающие на стене картины, кресла в гостиной, Нью-Йорк, идею войны. Потом я решил, что не мешало бы ему что-то и вставить, ввести в мир с помощью другой клавиши.

Следующей пришла мысль: а не дать ли ему стерву жену, которую он сможет убрать и заменить хорошей жен-

щиной? С тем я и заснул, а наутро проснулся в полном здравии. Отравления как не бывало, а вот идея осталась. Этот рассказ я написал, хотя вы увидите, что получился он не таким, как я представлял себе ночью. Ну да это обычное дело.

Дальше можно не объяснять, не так ли? Пишешь не ради денег. Пишешь потому, что этим можно избавиться от дурного настроения или самочувствия. И если мужчина или женщина этого не понимают, он, или она, — обезьяна, ничего больше. История помогла мне заснуть, когда я думал, что мне это не удастся. Я помог истории обрести вещественную форму, к которой она стремилась. Остальное — побочные эффекты.

3

Я надеюсь, вам понравится эта книга, постоянный читатель. Подозреваю, роман понравился бы вам больше, потому что большинство из вас забыли прелести рассказа. Чтение добротного длинного романа во многом все равно что долгая и приятная во всех отношениях любовная интрига. Помнится, я часто мотался между Питсбургом и Мэном, участвуя в подготовке «Крюшоу», главным образом на автомобиле. Воспользоваться самолетом мешала не только моя стойкая нелюбовь к этому виду транспорта, но и забастовка авиадиспетчеров и их последующее увольнение Рейганом (Рейган, как оказалось, становился ярым сторонником профсоюзов, только если профсоюзы эти действовали в Польше). У меня было восемь аудиокассет с начитанным на них романом Коллин Маккаллоу «Поющие в терновнике», а за те пять недель я не просто вступил в любовную связь с этой книгой, можно сказать, женился на ней (особенно мне нравился эпизод со злобной старухой и личинками).

Рассказ — совсем другое дело. Рассказ — это короткий поцелуй незнакомца в темноте. Разумеется, это тебе не любовная связь или узы брака, но в поцелуях есть своя

прелесть, в их мимолетности таится особая привлекательность.

С годами писать рассказы мне стало не легче — труднее. Во-первых, время, которое я могу уделить им, сокращается. Во-вторых, они имеют тенденцию к разбуханию (разбухание рассказов — это серьезная проблема, все равно что диета для толстяков). И все сложнее найти правильную интонацию для рассказа — очень часто мистер Икс не желает перескакивать из головы на бумагу.

Но я думаю, что главное — не сдаваться. Лучше продолжать целоваться с риском иной раз получить оплеуху, чем вовсе отказаться от этого удовольствия.

4

Не волнуйтесь, я уже закругляюсь. Но я имею право поблагодарить нескольких людей? (Если хотите, эту часть можете пропустить.)

Спасибо Биллу Томпсону за то, что сдвинул эту машину с места. Он и я выпустили первый сборник рассказов, «Ночную смену», и идея сделать второй принадлежала ему. Потом он перешел в «Арбор-хаус», но я люблю его так же, как и прежде. Если в джентльменской профессии издателя остался хоть один джентльмен, так это он. Господь, да благословит твое ирландское сердце, Билл.

Благодарю Филлис Гранн из издательства «Патмен», которая взвалила на себя эту книгу.

Спасибо Кирби Маккоули, моему агенту, еще одному ирландцу, который продал большинство этих рассказов и вытянул из меня, как цепь из колодца, самый длинный из них — «Туман».

Похоже на речь по случаю присуждения мне «Оскара», но что же делать.

Спасибо редакторам журналов: Кэти Саган из «Редлука», Алисе Тернер из «Плейбоя», Най Уиллден из «Кавалера», сотрудникам «Янки» и Эду Ферману, дорогому мне человеку, из «Фэнтези энд сайенс фикшн».

Я в долгу перед всеми и мог бы перечислить их поименно, но больше не буду докучать вам. А больше всего благодарю вас, Постоянный читатель, как, собственно, и всегда. Потому что в конце мяч обязательно прикатывается к вам. Без вас все наши усилия идут прахом. Если то, что сделано для вас, позволяет отвлечься, скоротать время после ленча, перелет из города в город, час в КПЗ, куда вас замели за плевки в неположенном месте, это для меня самая большая радость.

5

И так — прелюдия закончена. Хватайте меня за руку. Держите крепко. Нам предстоит побывать в темных местах, но, думаю, дорогу я знаю. Только не выпускайте моей руки. А если я поцелую вас в темноте, не обижайтесь. Все потому, что я люблю вас.

А теперь слушайте...

*15 апреля 1984 г.
Бангор, штат Мэн*

ТУМАН

Глава 1

БУРЯ

Вот как это произошло. В июле 19.. года, в ту ночь, когда на севере Новой Англии наконец прошла самая страшная за всю ее историю полоса жарких дней, в западном регионе штата Мэн разразилась невиданная по силе буря.

Мы жили на Лонг-лейк и заметили, как первые порывы бури бьют по глади озера перед самым закатом. За час до этого наступил полный штиль. Американский флаг, что мой отец повесил над нашим лодочным сараем еще в 1936 году, безвольно приник к штоку, и даже его края не колыхались. Жара стояла плотная, почти осязаемая и, казалось, такая же глубокая, как неподвижная вода в бухте. После обеда мы все втроем ходили купаться, но даже в воде не было спасения, если не уходить на глубину. Но ни Стеффи, ни я не хотели этого делать из-за Билли. Ему всего пять.

В полшестого мы перебрались на верхнюю террасу с видом на озеро и принялись за холодный ужин, без всякого энтузиазма ковыряя картофельный салат и пережевывая бутерброды с ветчиной. Никто, похоже, не хотел ничего, кроме пепси-колы, стоявшей в железном ведерке с кубиками льда.

После ужина Билли отправился играть на турникет. Мы со Стеффи продолжали сидеть на террасе, почти не разго-

варивали и курили, посматривая через угрюмое плоское зеркало озера в сторону Харрисона на противоположном берегу. Деревья там стояли пыльные и пожухшие. На западе, словно армия перед наступлением, собирались огромные фиолетовые грозовые тучи, среди которых то и дело вспыхивали молнии. И каждый раз радиоприемник нашего соседа Brenta Нортон, настроенный на станцию, что постоянно передает с Вашингтон-хилл классическую музыку, откликался громкими раскатами статики. Нортон вел адвокатскую практику в Нью-Джерси, и на Лонг-лейк у него был только летний коттедж без печки и без утепления. Два года назад у нас с ним возник конфликт из-за границы участков, дело дошло до суда, и я выиграл. Нортон утверждал, что я выиграл только потому, что он нездешний, и с тех пор отношения между нами оставались довольно прохладными.

Стефф вздохнула и принялась обмахивать грудь верхним краем купальника. Не думаю, что ей стало намного прохладнее, но зато мне стало видно гораздо больше.

— Не хочу тебя пугать, — сказал я, — но, думаю, скоро начнется сильная буря.

Она посмотрела на меня с сомнением:

— Вчера тоже были тучи, и позавчера, Дэвид. Но они разошлись.

— Сегодня не разойдутся.

— Ты уверен?

— Если буря будет очень сильной, нам придется спуститься вниз.

— А насколько сильной, ты думаешь, она будет?

Мой отец первым построил на этой стороне озера настоящий дом, где можно было жить круглый год. Еще мальчишкой он с братьями поставил на том месте, где сейчас дом, летний коттедж, но в 1938 году буря разрушила его до основания, даже каменные стены не уцелели. Остался только лодочный сарай. Через год он начал строить этот дом. Обычно больше всего разрушений приносят деревья. Они умирают, и ветер вырывает их с корнем. Видимо, таким образом природа периодически наводит у себя порядок.